

Белинский и наша современность*

Виссарион Григорьевич Белинский родился в 1811 году и умер в 1848 году. Его сознательная жизнь протекала в период самой глухой и зверской реакции после разгрома восстания декабристов в 1825 году. Это была Россия Николая первого, Россия неграмотная, отсталая, придавленная крепостником-помещиком. Но это была Россия после победоносной Отечественной войны 1812 года, Россия, в которой при кажущейся неподвижности многое уже сдвинулось с места.

Крепостной крестьянин был уже не прежний.

«Что выдвинуло в 40-х годах на сцену мужика, что сделало из него в 50-х первое лицо в литературе? Историки объясняют этот факт влиянием западного социализма и главным образом — влиянием романов Жюль Занд... — не без иронии писал Горький в своей «Истории русской литературы». — Но — это едва ли верно, а если и верно, то лишь отчасти... интерес и внимание к нему вызвал он сам, и вызвал грубейшим образом, именно, путем бунтов и волнений. Он занимался этим делом чрезвычайно усердно и все с большей энергией».

Победоносная Отечественная война 1812 года, разгромившая Наполеона и освободившая поработенные им страны, подняла национальное самосознание и гордость русского народа, и это отразилось в деятельности наиболее передовых образованных людей. Декабризм был разгромлен, но появились Герцен, Белинский. Время это было временем бурного становления великой русской литературы.

Передовые люди России не могли не видеть вопиющего противоречия между величием русской нации, победившей Наполеона, ее духовной культуры, творимой буквально на глазах, и крепостническим укладом всей жизни, технической и культурной отсталостью, гнусной реакционной ролью, которую играл царизм внутри и вне страны.

Этим противоречием в жизни России объясняется, что в воззрениях передовых людей, и прежде всего Белинского, глубокое чувство патриотической гордости было так неразрывно связано с желанием изменить положение дел в России.

Белинский был самым передовым и наиболее сознательным представителем этого периода развития России.

* Сокращенная стенограмма доклада в Большом театре, 7 июня 1948 г. на торжественном заседании, посвященном памяти В. Г. Белинского.

Ленин определил Белинского, как предшественника полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении. Взгляды Белинского отразили настроения крепостных крестьян, интересы самых широких народных масс России, борющихся в условиях крепостного гнета за свои элементарнейшие права.

Белинский был родоначальником революционно-демократического движения, которое особенно развернулось после его смерти во второй половине пятидесятых и в шестидесятых годах прошлого века.

Характерной особенностью этого движения было то, что в нем социализм и демократизм сливались в одно целое. Социализм был утопический, ибо на основе крестьянского движения без руководящей роли рабочего класса никакого социализма завоевать нельзя. Но это был утопический социализм не западноевропейского, а русского образца: подкрепленный программой крестьянской революции, с увлечением самодержавия, ливидацией помещичьего землевладения, разделом земли между крестьянами, то-есть программой расчистки снизу путей для буржуазно-демократического строя в России.

Белинский был первым в этом движении, но он только подошел к программе крестьянской революции, не успев ее развить. Позже, своим путем, ее начал разрабатывать Герцен. Наиболее полно и последовательно развил ее Чернышевский на основе движения крестьян за землю после парской реформы 1861 года.

Эта программа, несмотря на свои утопические стороны, была самой революционной и самой научно обоснованной программой буржуазно-демократической революции из всех марксистских программ. В теоретическом отношении это означало, что революционные демократы поднялись на самую высокую вершину, на какую только можно было подняться до появления теории исторического материализма Маркса и Энгельса. Белинский, как первый из революционных демократов, шел путем мучительных поисков, блужданий, ошибок. Но проделал такую гигантскую работу по сопоставлению развития России с другими странами Европы, по теоретическому пересмотру всего русского и западноевропейского наследства в области философии, истории, литературы и применения этого опыта к русским особенностям, что многие стороны его труда имеют действительное значение и до сих пор.

Это и дало право Ленину назвать Герцена, Белинского и Чернышевского предшествен-

никами русской социал-демократии и назвать их так именно в связи с задачей борьбы нашей партии за передовую, подлинно революционную марксистскую теорию.

Б этой мысли о великой роли предшественников партии большевиков Ленин возвращался не раз. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — писал он, — Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверка, сопоставления опыта Европы».

Это не значит, конечно, что взгляды революционных демократов можно смешивать с взглядами большевиков или настолько сближать эти взгляды, как это иногда делают, что теряется принципиальная разница между учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина об обществе, историческим материализмом и взглядами революционных демократов на общество, с их материализмом, который не был и не мог быть до конца научно-последовательным и революционным.

Но значение ленинских оценок революционных демократов, как предшественников большевиков в России, тем выше, что оценки эти связаны с выражением чувства величайшей национальной гордости за то, что Россия стала родиной самого передового, указывающего путь миру революционного движения, возглавленного большевиками, и первая опрокинула капитализм.

Как же высоко должны расценивать мы деятельность наших предшественников в свете той великой роли, которую наша советская Родина играет сегодня во всем мире!

В этом глубокое патриотическое значение высказывания товарища Сталина, в дни Великой Отечественной войны назвавшего Белинского и Чернышевского в ряду людей, наиболее полно выражающих величие русской нации.

Белинский, революционный демократ и великий русский патриот, является одним из корифеев русской материалистической философии, на голову превосходившим современных ему мыслителей. Он является создателем материалистической эстетики, превзошедшей буквально все, что было создано в этой области до эстетической теории Маркса — Энгельса — Ленина —

Сталина. Он наложил печать своих воззрений на все развитие русской литературы, и можно сказать, что она во многом обязана ему своим всемирно-историческим значением, о котором с гордостью говорил Ленин.

Таково историческое значение Белинского.

* * *

Борьба вокруг идей Белинского, развязанная им самим при жизни, еще больше разгорелась после его смерти. Б врагам его главным принадлежали: зубры-крепостники во главе с царем и вся их челядь — высокопоставленные попы, гоголевские чинуши, среди них и чинуши от литературы из числа царских доносчиков; крепостники «просвещенные», из лагеря так называемых «славянофилов», которых, по выражению Герцена, Белинский «додрал из мурмолок и зипунов», в мнимой «народности» их раскрыв лицемерных защитников тех же крепостнических порядков.

После раскрепощения крестьян эти две разновидности открытых врагов Белинского фактически слились в один лагерь охранителей помещичьего землевладения, самодержавия, церковного мракобесия, в лице своих духовных выразителей — прямых, вроде князя Вяземского, или с вывертами, вроде Достоевского (не говоря уже о второразрядных), — они обливали грязью имя Белинского до конца своих дней.

Таинные враги Белинского, буржуазные либералы, долго пытались извратить его наследство в духе своих взглядов, прикрывавших их постепенное приспособление к власти помещиков, другие выдавали Белинского чуть ли не за сторонника господства капиталистов в России.

Немалую роль в этом сыграли бывшие друзья его, в молодости даже состоявшие с ним в одном кружке, из лагеря так называемых «западников», с которыми Белинский скрестил идейное оружие.

Именно от бывших друзей, временных попутчиков Белинского пошла фальшивая, «западническая» легенда о нем, как о школяре, будто бы всю жизнь переходившем из класса в класс немецкой идеалистической философии. По этой легенде Белинский перенимал немецкую науку у них, богатых и «образованных» друзей Белинского, его «учителей», но был непоследователен, чем, собственно, и объясняются его «крайности».

Так буржуазные либералы и сомкнувшиеся с ними в конце века либералы-народники стремились выхолостить из наследства Белинского его сущность — революционное содержание, лишить это наследство самостоятельного теоретического значения, отнять у русского народа этот великолепный плод его передовой патриотической мысли.

Испуганные революцией 1905 года, открыто заключив союз с помещика-

ми против народа, буржуазные либералы в конце концов открыто выступили против Белинского, осенив себя флагом религии.

Их эстетствующие подголоски, буржуазные декаданты, которые стремились в прошлом превратить Белинского чуть ли не в сторонника «чистого искусства» и даже пытались примирить его с Христом, тоже подняли против Белинского вой как раз за пламенную пропаганду общественного значения искусства и за воинствующий атеизм, к которому пришел Белинский.

Ленин навеки заклеил этих господ в статьях «О «Вехах», «Еще один поход на демократию» и во многих других.

Знамя Белинского приняли почти из рук в руки революционные шестидесятники, такие же, как он, разночинцы. «Учителем» называли они Белинского. «Да, в Белинском наши лучшие идеалы, в Белинском же история нашего общественного развития», — писал Добролюбов.

Брупнейший из первых русских марксистов Плеханов, имя которого также принадлежит к лучшим именам русской нации, развернул теоретическую борьбу за Белинского против его врагов. Плеханов назвал его «гениальным социологом» и «одной из высших философских организаций», когда-либо выступавших у нас на литературное поприще».

Но только большевики смогли до конца понять историческое значение Белинского, объяснить то новое, что внесено им в наше и общемировое теоретическое наследство, отстоять его наследство от всех врагов и сделать достоянием широких масс советского народа.

* * *

Это не означает, что борьба вокруг наследства Белинского уже прекратилась. Она идет, и нельзя сказать, чтобы советская наука о Белинском всегда давала должный отпор его противникам.

Источником наших недостатков в этой области является непреодоленное влияние неверных взглядов на Белинского. Они нашли свое отражение и в работах Г. В. Плеханова, не преодолевшего некоторых из буржуазно-либеральных взглядов на Белинского.

Так, например, по Плеханову, Белинский пропел в области философии следующие этапы развития. Первый, «фихтеанский», то-есть, когда Белинский находился будто бы под влиянием немецкого идеалиста Фихте и воевал с «действительностью» во имя «абстрактного идеала». Второй, «гегелевский», тоже идеалистический, когда Белинский примирился с «действительностью» под влиянием «абсолютных» реакционных выводов философии Гегеля. Третий, тоже «гегелевский», когда Белинский, попрже-

нему находясь на идеалистических позициях, восстал на «действительность» и совершил переход к диалектике Гегеля. И, наконец, четвертый, «фейербаховский», который Плеханов называет «четвертым актом драмы», когда Белинский полностью разорвал с идеализмом и перешел на материалистическую точку зрения Фейербаха, в значительной степени утратив будто бы диалектику.

Здесь верно только то, что Белинский в своем философском развитии действительно шел от идеализма к материализму.

Но здесь неверно главное. Выходит, во-первых, что Белинский проходил как бы «самообразовательную» отвлеченную школу, да еще у иноземных учителей, а не великую историческую школу социальной борьбы в России своего времени. Получается, во-вторых, что Белинский, которого сам же Плеханов назвал «гениальным социологом» и «одной из высших философских организаций», занимался не выработкой в интересах русского народа и прогрессивного развития своей нации такой теории, которая реально помогала бы решить реальные нужды, для чего Белинский и перерабатывал весь теоретический опыт России и Запада, — а просто человек рабски переходил от одного немецкого философа к другому, прикладывая их отвлеченности к России, в зависимости от того, у кого он сейчас учится. Получается, в-третьих, что человек, никогда не занимавшийся философией именно в ее отвлеченном немецком смысле, а всю жизнь посвятивший русской литературе, а через литературу — конкретным вопросам социальной борьбы в России и вопросам русской истории, на этом и через это выражая свои философские взгляды, — получается, что этот человек в формировании своего мировоззрения миновал почему-то всех русских философов, историков и писателей.

В этом взгляде Плеханова на Белинского отразился его оппортунистический взгляд, согласно которому Россия во всем — и в экономическом, и в политическом отношении, и в формировании своего революционного мировоззрения — всегда будто бы шла и должна идти вслед за Европой, в ее хвосте.

Плеханов считал, что в «западническом» кружке, в который вошел молодой Белинский после исключения из университета, он, Белинский, представлял «крайнюю левую».

Это неверно. Белинский в этом дворянском кружке представлял совсем новое, отличное от остальных явление. Он был, применивший к кружку за наименьшим другом, более прогрессивного, первый разночинно-бунтарь, будущий революционный демократ и будущий основатель своей «партии». А окружали его настоящие и